
**Религиозно-политический экстремизм и терроризм в современной России
(сущность, специфика проявления, профилактика)**

В статье на основе анализа новейшей литературы и материалов раскрываются сущность и специфика религиозно-политического экстремизма и терроризма, выступающих под лозунгами ислама. Автор указывает на эффективные методы противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях

Ключевые слова: религиозно-политический экстремизм, терроризм, ислам, профилактика.

In article on the basis of the analysis of the newest literature and materials the essence and specificity of religious-political extremism and the terrorism acting under slogans of Islam reveals. The author specifies in effective methods of counteraction to extremism and terrorism in modern conditions

Keywords: religious-political extremism, terrorism, Islam, preventive maintenance.

Процесс религиозного возрождения является одной из наиболее важных глобальных тенденций общественного развития мусульманских стран в конце XX – начале XXI в. В современных условиях возрастает роль ислама как глобального политического фактора, особое место в этом процессе занимает радикальная суннитская идеология, проявляющаяся в процессе исламского возрождения в ряде мусульманских стран и регионов. Специфический опыт религиозно-политической экстремистской интерпретации идейных доктрин ислама, его неоднозначное идеологическое и духовное влияние на мусульманский мир, политическое воздействие на ситуацию в различных, нередко немусульманских, странах и регионах, особая роль в международных отношениях в целом представляет собой уникальное явление. Мощный политический потенциал религиозно-политического экстремизма, который оказывает непосредственное воздействие на религиозно-правовые институты соответствующих стран и регионов, практикует миссионерский экспансионизм, приобретающий все более агрессивный характер. Размах этого процесса и вовлеченность в него различных государств и народов делают современный религиозно-политический экстремизм влиятельным субъектом не только региональной, но и мировой политики.

Профессор кафедры философии СПбГУ Андрей Буровский [1] говорит о столкновении цивилизаций как причине радикализации верующих следующее: «По моему убеждению, главная проблема современности состоит в том, что в поле решения политических проблем сталкиваются люди разных эпох». Причиной роста радикализма он считает различия в менталитете представителей европейской и мусульманской цивилизаций, обусловленные особенностями их исторического развития. Европейцы, пережившие ужасы Первой и Второй мировых войн, перестали воспринимать войну как морально приемлемый способ разрешения конфликтов. «Современный мусульманский мир не прошел той школы жестокости, которую прошел западный мир. Можно показать на многих примерах, что мусульманский мир по уровню и бытовой жестокости и политического экстремизма – это XIX век Европы», – уверен Андрей Буровский. По его мнению, Европа предрасположена к чрезмерным уступкам исламистскому натиску из-за исторически приобретенного иммунитета к насилию.

Специальный представитель Президента РФ по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью генерал-полковник Анатолий Сафонов [2] говорит о семи этапах мирового джихада,

спланированного «Аль-Каидой», скорее всего, в 1998 г. Первый этап называется «Пробуждение». Его суть – нанесение яркого мощного потрясения западного мира (2000–2002 гг.). Второй этап «Встать с колен» (2002–2006 гг.) предполагал втянуть Запад в агрессию против двух-трех исламских государств (Ирак, Афганистан), что тоже произошло на наших глазах. Сейчас мир подошел к рубежу третьего и четвертого этапов, задача которых – достижение исламской солидарности и (по окончании четвертого этапа) падение светских режимов, или, как их называют последователи джихада, режимов исламских еретиков в Саудовской Аравии, Египте, Иордании, Пакистане и еще двух-трех государствах. Халифат по этим планам устанавливается в 2015 г., а в 2020 г. ставится окончательная победная точка в столкновении исламской модели развития мира с западной. Генерал-полковник Сафонов констатирует: «Судя по всему, сценарий показывает достаточно эффективное следование этой стратегии».

Сотрудники ФСБ России предотвратили в 2008 г. 97 терактов и уничтожили 200 боевиков и главарей бандгрупп. Об этом на традиционной встрече с главными редакторами СМИ, приуроченной ко Дню сотрудников органов госбезопасности, сообщил в декабре 2008 г. директор ФСБ Александр Бортников [3, с. 2]. По его словам, «целенаправленно продолжалась реализация комплекса оперативно-розыскных мероприятий в отношении главарей и наиболее активных членов бандгрупп, действующих на Северном Кавказе ... В результате принятых мер пресечена преступная деятельность свыше 680 бандитов и их пособников, предотвращено совершение 97 преступлений террористической направленности, из которых более 50 планировались в местах массового пребывания людей».

За преступления террористической и экстремистской направленности осуждено около 900 человек. «В ходе проведения КТО (контртеррористических операций) оказали вооруженное сопротивление и получили ранения, несовместимые с жизнью, более 200 активных членов и главарей бандгрупп, в т. ч. террорист-смертник Муцольгов, который готовился совершить теракт в месте массового пребывания людей, – сообщил глава ФСБ. – Во взаимодействии с другими правоохранительными органами из незаконного оборота изъято более четырех тысяч единиц огнестрельного оружия, свыше двух миллионов боеприпасов, около четырех тысяч взрывных устройств, около восьми тонн взрывчатки... Обезврежены мощное самодельное взрывное устройство, установленное около крупного торгового центра в городе Сочи, а также 15-килограммовое радиоуправляемое СВУ на Северо-Кавказской железной дороге в Республике Дагестан».

5 июня 2009 года в Махачкале в результате покушения погиб глава МВД Дагестана Адильгерей Магомедтагиров. 9 июня в Дагестан прибыл Президент Дмитрий Медведев, который провел в столице республики совещание с постоянными членами Совета безопасности РФ, в ходе которого потребовал принять самые жесткие меры по борьбе с терроризмом и экстремизмом на Северном Кавказе. В 2009 году в регионе Северного Кавказа было совершено 308 преступлений террористической направленности. Из них: один теракт в Чеченской Республике, 105 преступлений, связанных с подрывами. В прошлом году в этот же период было совершено 312 преступлений [4]. Д.А. Медведев отметил, что в результате этих преступлений в 2009 году было убито 75 сотрудников правоохранительных органов, 48 гражданских лиц. Общее количество ликвидированных бандитов – 112 человек, это реальный результат работы. «Поэтому работа по наведению порядка, уничтожению террористического отребья должна быть продолжена», – сказал президент, отметив, что от этой работы зависят вопросы безопасности на Северном Кавказе, жизнь и здоровье наших людей.

Проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму остаются актуальным для многих стран мира, в т. ч. и России. Выступая 15 июля 2009 года перед руководителями духовных управлений мусульман России, Президент Российской Федерации Д.А. Медведев отметил, что «мусульманские религиозные организации вносят большой вклад в поддержание гражданского мира, духовно-нравственное воспитание, борьбу с экстремизмом и ксенофобией... В мире по-прежнему все очень непросто, существуют этнические и конфессиональные конфликты. К сожалению, во многих регионах планеты заметен рост экстремистских настроений ... в России деятельность экстремистских организаций является весьма активной. Экстремисты прикрываются самыми разными лозунгами – и исламскими, и неисламскими, и вообще не имеющими отношения к вере. Но, тем не менее, этот фактор является весьма сложным, дестабилизирующим ситуацию в нашей стране. Мы обязаны его учитывать и принимать все меры для того, чтобы его нейтрализовать. Нашей важнейшей совместной задачей является распространение идей толерантности и веротерпимости, бережного отношения к духовным ценностям и традициям народов нашей многонациональной страны и ее культурному многообразию» [5]. Президент напомнил, что Россия имеет статус наблюдателя Организации исламской конференции – главного международного института мусульман, что еще в декабре 2006 года по инициативе тогдашнего президента Владимира Путина был создан Российский фонд поддержки исламской культуры, науки и образования. А по предложению самого Д. Медведева духовное образование было приравнено в нашей стране к светскому, т. е. выпускник медресе (или семинарии) имеет право на диплом, эквивалентный обыкновенному документу об образовании. Дмитрию Медведеву, по его словам, приятно то уважение, которое оказывают в мусульманском мире представителям России как страны, в которой мусульман не притесняют, где они могут спокойно исповедовать религию и строить мечети.

Об актуальности ведения борьбы с экстремизмом говорили и на международных миротворческих форумах, которые проходили в последнее время на Северном Кавказе. Так, 19 октября 2008 г. в Грозном завершил работу II Международный миротворческий форум «Ислам – религия мира и созидания» [6], в котором приняли участие прибывшие накануне в Чеченскую Республику религиозные деятели из регионов России, из 32 стран мира, всего около 500 чел. В Международном форуме приняли участие представители разных стран и конфессий из США, Ирака, Саудовской Аравии, Сирии, Иордании, Австрии, Саудовской Аравии, Польши, Японии, Индонезии и других стран.

Задачей форума являлась активизация межконфессионального и межэтнического диалога в России и других государствах по противодействию религиозно-политическому экстремизму, терроризму, национализму и ксенофобии, а также поддержанию усилий органов государственной власти и общественных организаций в проведении политики толерантности. Участниками конференции была принята резолюция, в которой отмечено, что в условиях глобализации планеты и, как следствие, усилившейся взаимозависимости государств, экономик и культур, особую актуальность приобретают вопросы сохранения культурно-цивилизированного многообразия, укрепления духа толерантности и налаживания конструктивного взаимодействия между различными цивилизациями. «Единство многообразия – вот наиболее приемлемая формула жизнедеятельности общества», – говорится в принятой на конференции резолюции.

Участники форума обратились к религиозным, государственным, общественным деятелям, ученым, мировому сообществу, всем людям доброй воли с предложением сосредоточить усилия на формировании модели межконфессионального и межэтнического согласия, преодолении духовного, интеллектуального невежества, повышении

образовательного и культурного уровня людей, преодолении социально-экономических условий, порождающих радикалистские и экстремистские проявления среди молодежи.

На форуме также говорилось о необходимости принятия действенных мер по предупреждению политического радикализма, конфессиональной и этнической нетерпимости, о формировании у граждан толерантного сознания и поведения.

Участники Международной конференции «Ислам победит терроризм» (г. Москва, 4 июля 2008 года) записали в резолюции: «Считать неприкосновенными жизнь, достоинство и собственность человека; рассматривать посягательство на них как тяжкий грех и чудовищное преступление; ... террорист, убивший невинных людей, не может быть признан шахидом» [7].

За последние 20 лет государственные и муниципальные органы власти, институты гражданского общества, правоохранительные органы России, особенно Северо-Кавказского региона, накопили большой положительный опыт противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму. Большую работу по идеологическому противодействию экстремизму и терроризму в регионе ведут представители религиозных организаций, различных партий и общественных объединений. В субъектах Юга России действуют антитеррористические комиссии, в администрациях городов и районов многих республик Северного Кавказа работают комиссии по противодействию религиозно-политическому экстремизму и терроризму. На территории Северо-Кавказского региона по мере возможности контролируется реализация печатной, аудио-видео-продукции, способствующей распространению идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма.

Однако, как отмечают эксперты, усилия, предпринимаемые государственными и общественными институтами в области борьбы с экстремистской деятельностью, оказываются неадекватными остроте проблем, связанных с проявлениями религиозно-политического экстремизма. Особую озабоченность вызывает распространение экстремистской идеологии среди молодежи.

В современных условиях требуется комплексный подход к осуществлению противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму, который включал бы в себя меры регулирующего, запретительного и профилактического характера. Как показывает анализ международного и национального опыта по противодействию религиозно-политическому экстремизму и терроризму, наиболее эффективными в этой области мерами являются совершенствование правовой базы, укрепление и совершенствование деятельности спецслужб, усиление борьбы с финансированием религиозно-политического экстремизма и терроризма, а также активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы.

В современных условиях важно не ослаблять идеологическую работу против религиозно-политического экстремизма, активнее привлекать к ней органы государственной власти, местного самоуправления, общественность, ученых, деятелей культуры, мусульманское духовенство, педагогические коллективы, представителей правоохранительных органов.

Сущность религиозно-политического экстремизма составляют политические насильственные действия, систематическое преднамеренное устрашение общества путем влияния на принятие решений органами государственной власти и местного самоуправления, международными организациями. **Религиозно-политический экстремизм является механизмом давления на общество и государство для достижения противоправных политических, религиозных и иных интересов.**

Основными характерными чертами религиозно-политического экстремизма выступают:

- идеологически мотивированное и организованное насилие;
- систематическое преднамеренное давление на общество и государство;
- достижение противоправных политических и иных интересов путем нелегитимного влияния на принятие общественно-политических решений;
- повышенный уровень опасности вследствие возросшей возможности религиозно-политических экстремистов использовать достижения глобализации и техногенной цивилизации (биотехнологии, информационные технологии, современные средства вооружения и связи, транслитерация устрашения, средства массового поражения и т. д.).

Современный религиозно-политический экстремизм характеризуется активным использованием суицидального экстремизма, терроризма, преимущественным нападением на символическую цель и стремление к массовости невинных жертв, он превратился в активное средство борьбы различных политических факторов за власть и влияние, в инструмент транснациональных преступных групп для захвата власти в политико-финансовой сфере вплоть до смещения правительств и изменения политических режимов государств. В России он приобрел ряд новых характерных черт, связанных с изменениями в субъектах и объектах экстремистской деятельности, в средствах и масштабах нападения, способах организации и исполнения экстремистских, террористических актов. Методы современного религиозно-политического экстремизма крайне разнообразны и включают в себя силовые акции, основанные не только на устрашении, но и на опосредованном воздействии на противника.

Классификацию форм и видов современного религиозно-политического экстремизма можно провести по следующим критериям: пространственному масштабу, преобладающим субъектам, политической мотивации и идеологии.

По критерию пространственного масштаба можно выделить уровни религиозно-политического экстремизма:

- **глобальный** (в масштабе всего мирового сообщества);
- **международный** (контролируемый интернациональными религиозно-политическими экстремистскими организациями и проводимый на территории нескольких государств);
- **транснациональный** (контролируемый государством и действующий с территории одной страны в пределах других);
- **национальный** (осуществляемый в пределах одного государства, реализуемый субъектами внутренней политики).

По критериям связи с государством современный религиозно-политический экстремизм целесообразно разделить на два типа (формы): **внутригосударственный** и **внешнегосударственный**, которые, в свою очередь, делятся на **внутренний государственный** и **внутренний оппозиционный религиозно-политический экстремизм**; **внешний государственный** и **международный религиозно-политический экстремизм**.

По преобладающим субъектам религиозно-политический экстремизм можно классифицировать на **государственный** и **негосударственный**.

По объектам и видам активности религиозно-политический экстремизм можно классифицировать на **международный, военный, индивидуальный**.

Критерии политической мотивации и идеологии позволяют выделить виды религиозно-политического экстремизма: религиозно-политический под лозунгами иудаизма, христианства, ислама и др. **Религиозно-политический экстремизм мо-**

жет использовать идеологемы как «левого» (уравнительность доходов и статусов, интернационализм, народовластие), так и **правого экстремизма** (элитарность, защиту неравенства доходов и статусов, шовинизм и расизм, религиозный фундаментализм).

Религиозно-политический экстремизм имеет сложное соотношение с другими видами политического насилия. Последнее трактуется как любое действие или угроза действия, направленные на физическое уничтожение человека либо социальной группы, а также на причинение намеренного ущерба. **Непосредственным объектом религиозно-политического экстремизма** все чаще становятся органы государственной власти или высокопоставленные политические и религиозные акторы, а косвенным объектом – мирное население. Религиозно-политический экстремизм предполагает непосредственный захват власти для достижения своих целей.

Видами открытого насилия являются: антиправительственные акции, политические убийства и покушения, государственные перевороты, восстания, гражданская война, революция, повстанческое движение и т. д. **Религиозно-политический экстремизм является организованным видом противоправных действий**, его разрушительный потенциал возрастает пропорционально достижениям техногенной цивилизации, вследствие чего идет стирание граней между религиозно-политическим экстремизмом и войной.

В глобализирующемся обществе растет роль видов скрытого (*латентного*) насилия: экономических, информационных, геофизических, биологических, генно-инженерных «войн», кибертеррористических, сетевых воздействий и т. д. Вместе с тем усиливается взаимозависимость видов политического насилия, взаимопроникновение их форм и методов. Религиозно-политический экстремизм часто применяет как методы борьбы все виды политического насилия. Учитывая, что грань между войной и религиозно-политическим экстремизмом постепенно стирается, необходимо оценивать современный религиозно-политический экстремизм в «парадигме войны», а также говорить о латентных видах насилия как виде религиозно-политической экстремистской войны и государственном религиозно-политическом экстремизме как ее инструменте.

Необходимо четкое разделение понятий **государственный религиозно-политический экстремизм** и **международный религиозно-политический экстремизм**, т. к. наиболее существенным фактором, обуславливающим рост международного религиозно-политического экстремизма в современном мире, является практика государственного религиозно-политического экстремизма в отношении ряда стран, рассматриваемых лидерами глобализации в качестве зоны национальных интересов. **Государственный религиозно-политический экстремизм** включает следующие формы деятельности: проведение государственными органами боевых операций на территории другой страны без объявления войны под предлогом борьбы с терроризмом; проведение всех форм скрытой, латентной войны, которые формами войны не признаются; проведение спецслужбами государства экстремистских, террористических акций на территории другого государства.

Международный религиозно-политический экстремизм – это политическая практика насилия, включающая в себя совокупность насильственных уголовно-наказуемых деяний, совершаемых негосударственными субъектами политики на территории другого государства, посягающими на международный правопорядок и международную безопасность путем опосредованного устрашения противника. Религиозно-политический экстремизм применяется чаще всего против мирного населения, органов власти и их представителей, духовенства, т. е. против нонкомбатантов.

Проведенный нами анализ позволяет выявить следующие **группы методов современного религиозно-политического экстремизма**:

- **насильственное воздействие с целью физической ликвидации** лидеров общественно-политических, религиозных организаций и человеческого потенциала противоборствующей стороны;

- **насильственное воздействие на материальные, экономические и информационные ресурсы, экологическую среду** и т. п. с целью дестабилизации общественно-политической обстановки, принуждения противника выполнить требования экстремистов;

- **морально-психологическое давление на противоборствующую сторону** (обычно после свершения экстремистского акта) с целью заставить выполнить волю экстремистов под угрозой эскалации насилия;

- **организационные методы создания экстремистских группировок**, среди которых сейчас преобладают **сетевые методы**, а не традиционный иерархический. **Сети отличает**: координационный принцип строения, свободное обращение информации, секретное взаимодействие по каналам массовых коммуникаций, экстерриториальность и мобильность.

Основными способами экстремистской деятельности в современных условиях становятся: убийства, взятие заложников, использование смертников, кибертерроризм, информационная война.

Феномен транслитерации религиозно-политического экстремизма – распространение устрашающего эффекта экстремизма СМИ. Транслитерация экстремизма – это передача разрушительного психологического воздействия экстремистских импульсов в необходимое для экстремистов русло направленного воздействия устрашающего фактора на максимально возможную аудиторию социума.

Негативные последствия глобализации получают выражение в росте протестных настроений, отражающих неудовлетворенность многих социальных групп и стран издержками глобализации: отсутствием гуманистически ориентированных целей мирового развития, территориально несправедливым распределением прибыли и культурной экспансией Запада. Неполная реализация позитивного потенциала глобализации и направленность ее вектора не в сторону гармоничного разрешения глобальных проблем, а в сторону обеспечения имперского контроля над ресурсами планеты при равнодушии к самобытным социокультурным традициям общества привели неравномерность развития стран и регионов мира к критической отметке, тем самым способствуя активизации религиозно-политического экстремизма.

Важным фактором детерминации современного экстремизма являются **геополитические устремления стран-лидеров к гегемонизму и доминированию**, методы достижения которых могут рассматриваться как **глобальный экстремизм**. Он представляет собой большую опасность для мирового сообщества и выступает одной из причин роста национального и международного религиозно-политического экстремизма.

В современном мире проявляется тенденция к сращиванию интересов субъектов современного экстремизма, наднациональных финансово-экономических образований и транснациональных структур организованной преступности. В результате **происходит рост финансовых и материально-технических ресурсов экстремизма**, что приводит к увеличению потенциала современного религиозно-политического экстремизма, совершенствованию его инфраструктуры и информационной обеспеченности, возможностей проникновения во властные структуры и как результат – к усилению поражающей мощности современного религиозно-политического экстремизма.

Сравнительный анализ проявлений религиозно-политического экстремизма в регионах мира подтверждает преобладание религиозно-политических и этнополитических проявлений, которые в ряде случаев (Косово, Индонезия, Таиланд, Индия) имеют высокую степень корреляции.

Субъекты этнополитического экстремизма чаще всего преследуют сепаратистские цели, что предполагает территориальный конфликт. Борьба за территорию и повышение статуса своей общности (автономия, федерализм, независимое государство) является наиболее долгосрочным фактором экстремистского насилия, т. к. априори затрудняет поиск компромиссов сторонами конфликта.

Установлено, что в процессе мобилизации сторонников религиозно-политического экстремизма нарастает роль **социокультурного фактора**: конструирование поляризованной картины мира, создание гиперпозитивной самоидентификации и образа врага, тотальность противоборства. Вместе с тем на современном этапе развития этносепаратистский экстремизм в Чечне не поддерживается большинством этнических групп, самоопределение которых религиозно-политические экстремисты провозглашают своей целью.

Религиозно-политические экстремистские организации в России связаны с международным религиозно-политическим экстремизмом, терроризмом, теневым бизнесом и интересами глобальных геополитических игроков. Ряд таких организаций в качестве идеологемы используют некоторые положения ислама. В современных исламских организациях существуют внутренние противоречия, вследствие которых радикальное крыло, реформаторский и традиционный ислам находятся в конфликте. В результате возрастает политизация «радикального ислама».

Салафизм, религиозно-политический экстремизм, внедряемый в зонах конфликтов в России, можно квалифицировать как политизированное сектантское движение. Движение религиозно-политического экстремизма предполагает мобилизованное политическое участие, использует в своих противоправных целях недовольство коррупцией и упадком морали.

Идеи религиозно-политического экстремизма распространены во многих регионах традиционного ислама в России. Практически во всех регионах России, где компактно проживают мусульмане, – Северный Кавказа, Татарстан, Башкортостан, Поволжье, Мордовия, Нижегородская и другие области – существуют предпосылки для возникновения внутриконфессиональных конфликтных ситуаций.

В Российской Федерации, странах Центральной Азии религиозно-политический экстремизм начал распространяться при активном влиянии из-за рубежа.

Сравнительный анализ религиозно-политического экстремизма с традиционными сектами позволяет сделать вывод о том, что по всем формальным признакам религиозно-политический экстремизм можно квалифицировать как **сектантское движение**. Об этом свидетельствует ряд классифицирующих признаков: наличие основателя – *шейха*; непримиримость к другим сектам; собственное толкование Корана; строгая внутренняя иерархия; внешние отличительные признаки; уверенность в собственной избранности и истинности своего пути, переходящая в фанатизм; собственная особая обрядность; собственное специфическое мировоззрение; наличие руководителей-наставников.

С другой стороны, религиозно-политический экстремизм можно квалифицировать как **религиозно-политическое движение**. В этом отношении можно выделить следующие ключевые признаки:

- однозначно отрицательное отношение к существующей власти;
- стремление к власти как основная стратегическая цель деятельности;
- наличие идеологии формирования политической системы;

- наличие программы государственного строительства, тактики борьбы;
- развитой пропагандистский аппарат и средства агитации.

На основе анализа научных публикаций, материалов периодической печати и собственных наблюдений относительно движения религиозно-политического экстремизма можно сделать некоторые обобщающие выводы.

Во-первых, данное движение можно квалифицировать как имеющую **двойственную природу религиозно-политическую организацию**. Налицо, с одной стороны, признаки **секты**, с другой стороны – **политической организации**.

Во-вторых, движение имеет неадекватное своей численности политическое влияние в силу своей идеологической специфики, финансовых возможностей.

В-третьих, религиозно-политический экстремизм в ближайшей перспективе будет одним из самых активных движений в силу объективных причин.

В-четвертых, в мире, России, особенно на Северном Кавказе, имеются объективные и субъективные условия для дальнейшего распространения идеологии религиозно-политического экстремизма.

Религиозно-политический конфликт на Северном Кавказе стал следствием сложного комплекса противоречий в религиозной и политической сферах, что было осложнено такими факторами, как ухудшение социально-экономического положения в регионе, сложная этнополитическая ситуация, заинтересованность внешних сил в дестабилизации региона, отсутствие четко выработанной концепции национальной политики, сепаратистское движение в Чечне, массовое распространение оружия, бурный рост исламского самосознания северокавказцев при сохраняющейся религиозной безграмотности населения. Одна из причин политизации ислама на Северном Кавказе обусловлена мультиэтнической структурой населения в этом регионе.

В целом на достаточно активное распространение на Северном Кавказе идеологии исламского религиозно-политического экстремизма существенное влияние оказали следующие условия: социально-экономический кризис, приведший к обнищанию широких масс; идеологический, духовно-нравственный и политический кризис; обострение межнациональных отношений; криминализация различных сторон жизни, коррупция, организованная преступность; неопределенность политики федерального Центра в отношении региона и отдельных субъектов; геополитические трансформации в регионе; низкий авторитет местного духовенства.

После исчезновения идеологии коммунистического интернационализма и соответствующей национальной политики, которые хоть как-то согласовывали интересы отдельных этносов в бывшем СССР, полиэтничные общества, где население исповедует ислам, оказались без этого важного общественного регулятора. В такой ситуации исламская идеология, не разделяющая людей по этнической принадлежности, выступила объединительной и регулирующей силой на Северном Кавказе. Хотя ислам пока еще не выполняет в регионе консолидирующую функцию и не является фактором государственного строительства, но его уже пытаются использовать некоторые политики, религиозно-политические лидеры.

Необходимо подходить к исламскому радикализму дифференцированно: он делится на **умеренное, радикальное и ультрарадикальное** (экстремистское) течения. С первым и вторым течениями внутри исламского радикализма можно найти консенсус. Ультрарадикальное экстремистское течение, в открытую ведущее вооруженную борьбу за захват светской власти, на диалог не идет. По отношению к нему надо применять закон, в т. ч. и силовые методы.

К настоящему времени легальные религиозно-политические экстремистские структуры в России ликвидированы. Были закрыты филиалы многочисленных исламских международных благотворительных фондов, которые, по данным правоохранительных органов, оказывали значительную финансовую, материальную, организационную помощь религиозно-политическим экстремистским структурам. **Представители религиозно-политического экстремизма перешли к нелегальной деятельности.** В последние годы на всей территории России, особенно Северного Кавказа, их структуры перешли к тактике «слепого» террора, в результате которого гибнут не только представители государственных и муниципальных органов власти, правоохранительных органов, но и простые граждане. Только в 1999–2008 гг. в Республике Дагестан от рук религиозно-политических экстремистов погибло более 250 и ранено более 450 сотрудников правоохранительных органов.

Особенность проявления современного религиозно-политического экстремизма в России, на Северном Кавказе – стремление организаторов экстремистских актов легитимизировать свои действия как форму политического протеста. Это выражается: в направленности экстремистской активности против представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства; в специфике социальной базы и составе экстремистских организаций, отражающих депрессивное состояние экономики и социальной сферы региона.

С 2007 года наблюдается новая тенденция в развитии конфликта на Северном Кавказе, где происходит спор двух идеологий: «сепаратистского этнического национализма» (цель которого – суверенная Чечня) и «универсалистского религиозного проекта». Второй проект предусматривает включение борьбы северокавказских боевиков в глобальный джихад, цель которого – создание Всемирного Халифата, промежуточным формированием которого является некой Имарат Кавказа.

В 2009 г. зоной военной активности боевиков объявлены «горные районы Дагестана, Ичкерии, Ингушетии, Кабарды, Балкарии и Карачая». А предгорные и плоскостные районы и населённые пункты указанных вилайятов, а также вилайяты Галгайче (Ингушетия и Иристон (Северная Осетия) и Ногайская степь (Ставропольский край), западные и причерноморские районы Северного Кавказа, а также Приволжский и Уральский регионы РФ объявлены зоной военных действий диверсионного характера.

Новой особенностью борьбы сторонников Имарата Кавказа в 2009 г. стало **расширение не только ее территориальных пределов, но и самого понятия «врага».** Отныне мишенью борьбы «моджахедов» являются не только силовики, но и гражданское население, которое принимает руководство органов государственной власти республик Северного Кавказа, поддерживаемых Москвой.

Новая тенденция религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе – борющиеся за Имарат Кавказ имеют более **сильную идеологическую мотивацию**, чем сепаратисты, которые строили независимую Чечню на основе противостояния ее с «империей». Экстремисты стараются перевести войну в религиозное противостояние, где с одной стороны находятся моджахеды, т. е. борцы за веру, а с другой – *кафиры* (неверные), оккупировавшие мусульманские республики Кавказа, и их пособники – *муртады* (отступники) из числа местных «национал-предателей».

Следующая новая знаковая особенность развития вооруженного конфликта в Чечне, Ингушетии и Дагестане в 2009 году – это возвращение **тактики терактов с использованием шахидов.**

Религиозно-политическое экстремистское движение в России, в частности на Северном Кавказе, после 2000 года приобрело новые специфические черты. Основная

специфика заключается в росте масштабов террористической активности не только в Чечне, но и за ее пределами. Руководитель следственного комитета при прокуратуре РФ Александр Бастрыкин в феврале 2010 г. отметил, что в 2009 г. сохранилась тенденция к снижению преступности в России. В стране было совершено около 3 млн преступлений, из которых более половины удалось раскрыть. Криминогенная обстановка ухудшилась лишь в 15 регионах. При этом, по словам Бастрыкина, на общем фоне снижения преступности как таковой произошел рост (на 2 %) преступлений террористического характера (654) и 19 % – преступлений экстремистской направленности (548). Статистику подпортили Северная Осетия, Чечня, Ингушетия и Дагестан, где были совершены многочисленные нападения на представителей власти и силовиков [8].

Следующая особенность – **громкие теракты на транспорте и объектах инфраструктуры** (метро, пригородные поезда, самолеты, трубопроводы, ЛЭП), **массовые захваты заложников** (Норд-Ост-2002, Беслан-2004), **крупномасштабные акции устраниения против сотрудников силовых структур** (нападения на Грозный в 2004 г., Нальчик в 2005, Назрань в 2004 и 2009 гг.).

Одной из особенностей деятельности религиозно-политических экстремистов на Северном Кавказе является **использование т. н. «шахидов» – смертников-подрывников** [9]. В России с 2000 г. по середину 2009 г. взорвалась 41 «живая бомба». В Израиле, к примеру, за период т. н. интифады взорвали себя 59 палестинцев. В пересчете получается, что «плотность огня» смертников на Ближнем Востоке пока еще выше, чем на Северном Кавказе.

Еще одна специфика религиозно-политического экстремистского движения в России – **расширение круга объектов нападений**. Наряду с продолжением диверсий на экономических и коммуникационных объектах, а также нападений на военных, их террористическая деятельность приобретает характер целенаправленного физического устранения работников силовых структур, ответственных за борьбу против экстремизма и терроризма. Кроме того, подлежащими уничтожению были объявлены «идейные» враги ислама, представители официального духовенства и даже просто не мусульмане.

Другая специфика – **«урбанизация» религиозно-политического экстремизма, терроризма**. Теракты последних лет говорят о том, что от тактики терроризма, направленного в основном против армии, работников правоохранительных органов, это подполье переходит к тактике городской герильи. В городском социуме они гораздо меньше зависят от поддержки местного населения (им достаточно безразличного отношения горожан), в городских условиях легче скрываться и уходить от преследования, а возможности применения огневой мощи силовыми структурами ограничены.

Происходит **некоторое расширение социальной базы** за счет образованной молодежи, в т. ч. некоторой части студентов вузов, колледжей.

К новой специфике религиозно-политического экстремистского движения на Северном Кавказе относится **создание новых группировок (джамаатов) и появление новых лидеров** в Чечне, Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии.

В последнее время изменились и **методы мобилизации религиозно-политических экстремистов**. Прекращение деятельности иностранных фондов, высылка иностранных миссионеров и преподавателей существенно ограничили доступ экстремистов к внешней поддержке. В результате контрнаступления государства радикальные исламисты лишились практически всей институциональной инфраструктуры (контролировавшихся ими мечетей, медресе, СМИ). **Масштабы религиозно-политической экстремистской пропаганды сократились** до распространения отдельных брошюр, листовок

и аудио-видеокассет, дисков. В то же время пропагандистские материалы активно распространяются через интернет-сайты – «Кавказ-центр», «Джамаат Шариат», «Гураба» и др. **Главным методом религиозно-политической мобилизации стала индивидуальная обработка потенциальных сторонников, особенно молодежи.**

Как утверждают эксперты, «на Северном Кавказе в настоящее время начинает развиваться одно из важнейших направлений военной стратегии США – «сетевые войны» [10]. Как писал один из американских теоретиков войны нового типа, адмирал Артур Кебровски, «могущество приходит сегодня из другого источника, используется по-другому и способно вызывать эффекты, которых не было никогда раньше. В эпоху индустриального общества мощь зависела от масс. Теперь она имеет тенденцию зависеть от информации, доступа к ней и скорости этого процесса. Нам пришлось назвать эту новую теорию войны сетевым военным искусством» [11].

Результатом осмысления данных процессов стало появление в США в конце 1990-х годов концепции «сетевых войн» («*network-centric warfare*»), отражающей принципы ведения войны в условиях информационного общества. «Сеть» предполагает преодоление традиционного линейного, централизованного, иерархического принципа построения социальных систем «центр – периферия», «ствол – ветви» (обычно описывается метафорой «корня»), характерного для индустриального общества. На смену иерархической логике, считают адепты «сетевых войн», идет логика самоорганизующихся, нелинейных, принципиально не структурируемых систем. С одной стороны, у таких систем отсутствует «ядро», т. е. четко выраженный «центр», с другой стороны, предполагается, что любая ячейка такого множества может при определенных обстоятельствах взять на себя функцию «центра» (метафора «клубня») [12].

Многие «сетевые гипотезы» впервые были апробированы еще во второй половине XX века. Одним из наиболее характерных примеров является создание на территории Афганистана спецслужбами США и Пакистана таких террористических организаций, как «Аль-Каида» (al-Qaida network) и «Талибан», служивших первоначально инструментом глобального противоборства с Советским Союзом. Эти террористические структуры формировались по лекалам американских «мозговых центров» в соответствии с сетевыми принципами («паучья сеть», «пчелиный рой», «клубень»). Управленческая пирамида этих террористических группировок изначально была чрезвычайно гибкой, входящие в нее отдельные «ячейки» могли действовать почти автономно, отличались большой живучестью, способностью приспосабливаться к изменяющейся общественно-политической обстановке [13].

Н. Димлевич [10] пишет: «Представляется, что США и некоторые другие государства Запада начали подготовку условий для реализации в России сценария «цветной» революции в ходе избирательного цикла 2011–2012 годов. Президент США предложил к 2013 г. увеличить на четверть число сотрудников Госдепартамента США и Агентства международного развития (USAID). Одна из поправок к проекту бюджета предусматривает создание 1226 новых рабочих мест в этих ведомствах уже в 2010 г. В перспективе к 2012 г. количество работников внешнеполитической службы должно возрасти на 25 %, а число сотрудников USAID удвоиться.

В качестве инструмента «сетевой войны», обеспечивающего получение информации и осуществление выгодного им влияния на обстановку, США и их союзники используют **иностранные некоммерческие неправительственные и международные организации** (далее – ИННО и МО). На территории Южного федерального округа насчитывается более 100 иностранных организаций, фондов и мониторинговых сетей в форме союзов, ассоциаций и обществ, действующих в самых различных сферах.

Примером реализации концепции «сетевых войн» является деятельность на юге России американских фондов Сороса, Карнеги, Мак-Артуров, немецких фондов Ф. Эберта, К. Аденауэра, В. Белля, а также «Организация непризнанных народов и наций», «Международный институт стратегических исследований» (Лондон), «Кавказская сеть НКО по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев «CRINGO»», «Международная сеть «Молодежное правозащитное движение»» и др. Идеология, цели, задачи и тактика данных структур определяются финансирующими их организациями и координируются из единого центра в США.

Н. Димлевич считает, что, «в рамках осуществляемой ИННО и МО деятельности предпринимаются попытки оказания информационно-пропагандистского воздействия на народы Кавказа, направленного на разрушение единого культурно-исторического пространства Кавказа и России, ликвидацию пророссийской ориентации в кавказском обществе, формирование идеологии ненависти к России как стержневой основы «новой кавказской идентичности» [10].

В условиях глобализации информационных потоков успешно защищаться против применения противником приемов «сетцентричного военного искусства» и ориентироваться на стратегию победы можно лишь с помощью аналогичного оружия, нейтрализующего угрозы в физической, информационной, социокультурной сферах [14]. Соответственно любое системное действие здесь достигает успеха, только если есть универсальный мировоззренческий проект, опирающийся на ценности конкретной цивилизации и альтернативный идеологии либерализма с ее американоцентричным мифом «распространения свободы и демократии» по всему миру. В условиях информационного общества такой мировоззренческий, цивилизационный проект («ценностная платформа») является совершенно необходимой «операционной системой», без которой нет ни самостоятельной внешнеполитической стратегии, ни возможности сохранить национальный контроль над ресурсным потенциалом данной национальной территории.

Известный российский исламовед И.П. Добаев в монографии «Современный терроризм: региональное измерение» [15, с. 5–7] пишет: «Анализ материалов, связанных с деятельностью «молодежных джамаатов», позволяет сделать прогноз на перспективу: эти сетевые структуры доказали свою жизнеспособность, автономность и самовосстанавливаемость. Сегодня группировки боевиков-ваххабитов объединяются на новейшей идеологической основе, разработанной в зарубежных исламистских центрах и уже дополненной собственными идеологическими наработками. Неизбежной политической практикой носителей идеологии религиозно-политического экстремизма всегда был, есть и будет терроризм. Радикальные идеологии позволяют их носителям не только оправдывать совершаемые преступления, но и планировать осуществление диверсионно-террористических акций, не испытывая при этом угрызений совести. Так, согласно исследованиям, проведенным в Дагестане среди пятидесяти религиозно-политических экстремистов, находившихся в 2000–2002 гг. под следствием, лишь двое усомнились в правильности своих поступков. Это свидетельствует о том, что религиозно-политический экстремизм как идеология представляет собой не просто совокупность экстремистских идей, а систему «аргументированных» положений [16].

Террористические «джамааты», совершенствуя свою боевую тактику и стратегию, отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение диверсионно-террористическую тактику «пчелиного роя». Они способны быстро менять места дислокации, маневрировать, а в случае необходимости объединяться с другими аналогичными группами. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь; их действия согласовываются и координируются. Деятельность бандгрупп приобрела черты

современного исламистского террористического движения, в основе структурного строения которого лежит сетевой принцип (принцип «паучьей сети»). Причем вчерашние «партизаны» из лесисто-гористой местности перебрались в города, привлекли в свои сети молодежь без криминального прошлого, в т. ч. учащихся школ и вузов, аспирантов и даже молодых ученых, создали эффективно действующую своеобразную «городскую герилью».

Таким образом, тенденция растекания терроризма в регионе, которая ранее прогнозировалась лишь отдельными экспертами, стала реальностью. Особенно непростая ситуация сложилась на Северо-Восточном Кавказе – в Дагестане и Ингушетии, что, в свою очередь, предопределило процессы в других республиках, прежде всего в Кабардино-Балкарии.

Иными словами, с «замирением» Чечни активность боевиков не снизилась. Она просто распространилась на другие субъекты Северного Кавказа и практически полностью перешла в террористическую плоскость [17]. Эксперты фиксируют сохранившуюся скоординированность действий боевиков, их подготовку, конспирацию и синхронность: теракты нередко осуществляются одновременно в нескольких республиках, у террористов обнаруживают подробные списки работников милиции и ФСБ, номера их автомобилей, литературу по изготовлению самодельных бомб. Боевики столь же фанатичны, как и прежде, их приходится уничтожать вместе со зданиями, где они укрываются [17].

На материалах зарубежных стран и регионов можно выделить как **успешные стратегии антиэкстремистской политики** (США, Западная Европа, Северная Ирландия), так и **неэффективные стратегии** (Афганистан, Ирак, Пакистан, Индия). Ряд проявлений **рецидивирующего религиозно-политического экстремизма** можно наблюдать в Палестине, Израиле, Ливане, Пакистане, Курдистане. На основе сравнительного анализа установлено, что степень успеха антиэкстремизма зависит от интересов ведущих геополитических акторов, ориентации сознания депривированных групп населения – социальной базы религиозно-политического экстремизма, регулирования экономических и социальных проблем обществ. Вместе с тем рост религиозно-политического экстремизма является и отражением неконвенционального протеста в странах «третьего мира» против экспансии Запада. Следовательно, угроза религиозно-политического экстремизма не может быть уменьшена кардинальным образом без трансформации политики постиндустриальных государств и ТНК в русле диалога цивилизаций, принятия целей устойчивого развития.

Религиозно-политический экстремизм будет оставаться частью общественно-политической жизни России, Северо-Кавказских республик, однако существуют довольно серьезные ограничители роста его влияния. Как считают известные исследователи исламского радикализма В. Наумкин и Д. Макаров, религиозно-политический экстремистский проект «не способен ни в настоящее время, ни в перспективе стать объединяющим и стабилизирующим фактором для сколь-либо значительной части населения в мозаичном Северо-Кавказском регионе, где важнейшими детерминантами политического поведения остаются этничность и клановость. Сам по себе фактор радикального исламизма не может подорвать устойчивость нынешних политических режимов в регионе. Однако в случае критического обострения и/или наложения друг на друга социальных, экономических и этнополитических противоречий исламский фактор может сыграть роль той самой капли, которая переполнит чашу нынешней весьма хрупкой стабильности» [18].

Как пишет исследователь А. Малашенко, «относительно новой тенденцией стала политизация традиционного ислама. Наиболее интенсивно она развивается на Кавказе – в Дагестане и Чечне, где местные тарикаты становятся одновременно и субъектами политики, и ее инструментом. Причем в Чечне президент Рамзан Кадыров превращает ислам в рычаг для консолидации общества». Он выражает опасение тем, что «на севере Кавказа происходит общая демодернизация общества, что способствует его дальнейшей исламизации» [19].

Антиэкстремистская политика Российской Федерации может быть определена как целостная совокупность принципов, направлений, методов и мер государственных органов власти по устранению угроз религиозно-политического экстремизма, пресечению религиозно-политической экстремистской деятельности. Она является неотъемлемой частью государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности, а также мер национальной политики (этнополитики) и внешней политики Российской Федерации (в области международного сотрудничества по борьбе с религиозно-политическим экстремизмом).

Основные подсистемы антиэкстремистской политики – нормативная, институциональная, коммуникативная, информационная. Современное состояние антиэкстремистской политики в РФ характеризуется повышением степени ее концептуальной завершенности и последовательности реализации.

Принятие «**Стратегии национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 года**» требует усовершенствовать нормативно-правовую базу в сфере регулирования деятельности правоохранительных органов и вооруженных сил. Вместе с тем борьба с религиозно-политическим экстремизмом будет неэффективна без комплекса мер по повышению качества жизни в республиках Северного Кавказа, по адресному регулированию внутренней миграции, воспитания в обществе ценностей этноконфессиональной толерантности, взаимодействия государства с конфессиями на основе принципов секулярности и свободы совести, выработки государственной стратегии идеологического противостояния религиозно-политическому радикализму. Приоритетное значение имеет создание общенациональной идеи и формирование общероссийской идентичности.

Президент Республики Дагестан М.М. Магомедов считает, что «работа, которую ведут правоохранительные органы, в первую очередь МВД и ФСБ, будет продолжена. Но только силовыми методами мы эту проблему не решим. Так терроризм не победить. Мы обязательно должны разговаривать с этими людьми. Тех, кто не запятнал себя каким-то участием в кровавых операциях и просто находится в рядах этих людей и вовлечен туда обманом, каким-то массированным идеологическим воздействием, мы должны вернуть в нормальную, мирную жизнь. Для этого будут, наверное, подобраны специальные люди из авторитетных дагестанцев, которые этой идеологии противопоставят другую идеологию – идеологию единства наших народов, целостности Дагестана, дружбы между нашими народами. На этой идеологической базе мы сможем работать с молодежью. Конечно, мы не просто должны ее оттуда вытащить, мы должны сделать так, чтобы молодежь, выйдя из леса, имела возможность свою энергию, силы и способности приложить к строительству мирной жизни. Для этого надо создавать рабочие места, чтобы экономика поднималась, а инвестиции шли в республику. Только этим можно противостоять идеологии терроризма» [20].

В борьбу с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом необходимо внести существенные коррективы, сделав упор не только на силовые и административ-

ные механизмы, но и на политические, экономические, социальные, культурно-образовательные и другие формы и методы противодействия и профилактики.

Литература

1. Проникновение религии в государственные институты способно усугубить проблему экстремизма // НГ-религии. 15.07.2009.
2. *Тихонов Александр*. Генерал-полковник Анатолий Сафонов: Так случилось, что на теле ислама сплели осиное гнездо террористы // Красная звезда. 11.04.2007.
3. За год в России уничтожено 200 боевиков // Новое дело. 2008. № 50. – С. 2.
4. *Дмитрий Медведев*. Ситуация на Северном Кавказе остается сложной // РИА «Новости», 09.06.2009.
5. *Сухов Иван*. Олимпийская мечеть. Дмитрий Медведев выслушал пожелания мусульманского духовенства // 16.07.2009.
6. В Грозном завершил работу форум «Ислам – религия мира и созидания» // Росбалт. 19.10.2008.
7. Материалы Международной конференции на тему «Ислам победит терроризм». – М., 2008.
8. *Сенаторов Юрий*. Следствие объединяется ради главного. Для Александра Бастрыкина настало время реформы // Коммерсантъ. 2010. № 25.
9. *Сухов Иван*. Северный Кавказ: Марш смертников // Время новостей. 18.09.2009.
10. *Димлевич Николай*. Кавказский геополитический район: вчера, сегодня, завтра (I) // <http://fondsk.ru/article.php?id=2807>. 24.02.2010.
11. Vice Admiral Arthur K. Cebrowski, Director, Office of Force Transformation, IEEE Spectrum, July 2002.
12. *Gilles Deleuze et Felix Guattari*. Rhizome // Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux. – Paris: Les Editions de Minuit, 1980.
13. *Добаев И.П., Немчина В.И.* Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. – Ростов н/Д, 2005.
14. *Гавриш Георгий*. «Комбинация потрясений»: сетцентричное военное искусство // <http://fondsk.ru/article.php?id=1094>. 29.11.2007.
15. *Добаев И.П.* Современный терроризм: региональное измерение / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 5–7.
16. Устранение конфессиональных противоречий как предупреждение религиозного экстремизма // Дагестанская правда. 2007. № 77–79.
17. Независимая газета. 14.05.2007.
18. *Виталий Наумкин, Дмитрий Макаров*. Исламский фактор в мировой политике и интересы России // Стратегия России. 2007. № 7.
19. *Малашенко Алексей*. Исламские тезисы. Российские мусульмане сегодня: между обособлением и конвергенцией // Независимая газета. 15.05.2009.
20. *Тажудинова Айшат*. Необходима консолидация дагестанского общества // Дагестанская правда. 2010. № 49–50.